

Отзыв на диссертацию
Каинова Сергея Юрьевича
**«Сложение комплекса вооружения Древней Руси X – начала XI века
(по материалам Гнёздовского некрополя и поселения)»**
представленной на соискание учёной степени кандидата исторических наук по
специальности 07.00.06 – археология.
Том 1 – текст (342 стр.); том 2 – таблицы и альбом иллюстраций.

Диссертация С.Ю. Каинова относится к одной из наиболее **актуальных тем** в современной средневековой (и военной) археологии не только в силу яркости исследуемого материала, но и в силу его исторической значимости для характеристики войска и процессов формирования военно-политической элиты Руси. Актуальность темы четко сформулирована во Введении к диссертации, где подчеркивается связь проблематики с формированием древнерусской «дружинной» культуры и феноменом урбанизации. **Цель исследования** автор определяет в виде «детализированной картины формирования комплекса боевых средств Гнёздова», как одного из самых развитых раннегородских центров Руси (с. 5). Задачи представляются ясно сформулированными и учитывают сравнительный аспект исследования археологического материала. Объект исследования – крупнейший в Европе комплекс археологических памятников, включающий гигантский (4 500 курганов) некрополь и необъятное прибрежное поселение, границы которого затруднительно определить в современный период исследований. В **предмете исследования** – комплексе боевых средств – автор различает «профессиональную» и «универсальную» составляющие (к последней относятся предметы массового «бытового» производства – инструменты (топоры) и охотничье оружие, отличие которых от высокотехнологичных специализированных средств боя нуждаются в специальном исследовании, проведенном в диссертации. Основным **методом исследования** является общепринятый в археологии сравнительно-типологический метод, развитый при интерпретации материала элементами сравнительно-исторического метода. Применения указанных методов требуют территориальные и хронологические рамки диссертационного исследования: они включают типологически (и хронологически) аналогичные Гнёздову памятники на речных коммуникациях древней Руси – верхневолжские «Петровский и Михайловский могильники, в меньшей степени – памятники Чернигова, Псковского некрополя, Новгорода и Рюрикова городища» (с. 8-9). **Научная новизна работы** очевидна – «работа представляет собой первую за последние 100 лет попытку собрать и систематизировать всю информацию о предметах вооружения, найденных в Гнёздове» (с. 10). Источниковая база, основанная на археологическом

материале, регулярно пополняется, что обеспечивает безусловную новизну работы. Диссертация призвана представить динамику развития комплекса вооружения Гнёздова, и это должно отразить «этнополитическую ситуацию в данном регионе», что особенно существенно для работы, представленной на соискание степени кандидата *исторических наук*.

Естественно, С.Ю. Каинов сосредоточивается на материалах Гнёздова, и первая **историографическая** глава посвящена «некоторым вопросам изучения Гнёздовского археологического комплекса», прежде всего на истории изучения предметов вооружения. Во второй части главы детально характеризуются разработки проблемы отечественными и зарубежными исследователями, в том числе интерпретация ими технологических особенностей производства предметов вооружения. Замечу что, с точки зрения типологии предметов вооружения интерес представляет работа Г.С. Лебедева «Эпоха викингов в Северной Европе» (Л., 1985. С. 124-127), где сопоставляются восточно- и североевропейские традиции.

Глава II «Комплекс боевых средств Гнёздова – основная по объёму и содержанию часть диссертации. Автор прекрасно владеет основами типологии предметов вооружения, разработанной как зарубежными (старая типология Я. Петерсена, принятая Каиновым за основу), так и отечественными (А.Н. Кирпичников) специалистами. Важнейшим оружием ближнего боя являются мечи, на Севере и Востоке Европы: Каинов специально останавливается на специфике исторического распространения общих для этих регионов типов, на проблеме «запаздывания» ранних скандинавских форм в комплексах Руси и сравнивает ситуацию на Руси с распространением мечей в Германии (по А. Гайбигу) (с. 34-37), учитывает опыты модификации общепринятой типологии Петерсена в работах Ф.А. Андрощука.

Каждый гнёздовский меч подвергнут в диссертации тщательному анализу, не только морфологическому, но и технологическому вплоть до способов крепления частей рукояти. Исследуются и ножны, точнее зафиксированные остатки этого атрибута мечей. Особую категорию находок, не связанную собственно с боевыми функциями, представляют металлические наконечники ножен, часто богато орнаментированные – С.Ю. Каинов предложил собственную типологию этих изделий. Выразительный скандинавский орнамент, особенно включающий антропоморфные и зооморфные мотивы, провоцирует на их сюжетную интерпретацию. Оппонент, занимавшийся проблемой такой интерпретации, не может не заметить, что «композиция из сплетённых фигур птицы и человека» едва ли связана с мифологическим сюжетом (Один, превращающийся в орла, по С. Линквисту, ср. с. 91): на т.н. рисованном, а не руническом, камне с Готланда изображен

просто орел. Переплетение людей с зооморфными существами иногда интерпретируются как отражение эсхатологической схватки с чудовищами (сканд. Рагнарёк), мотив терзания (?) птицей может ассоциироваться с распространенным представлением о вороне или орле, терзающем павшего на поле боя (что функционально соответствует предметам, украшающим вооружение). Столь же сомнительны и приводимые Каиновым попытки интерпретировать центральную антропоморфную фигуру на наконечниках как Одина с воронами или распятие (с. 97); не меньше оснований видеть в персонаже Локи, связанного собственными кишками, Гуннара в змеином рву (и т.д. и т.п.). «Орнаментальные» обозначения оружия – кеннинги – свойственны поэзии скальдов (меч - кусающий змей и т.п.) и десемантизированы, как и всякий орнамент.

Особую археологическую проблему представляют боевые ножи (скрамасаксы) – трудно аргументировать их боевую специализацию: Каинов предлагает считать боевыми ножи, «общая длина которых составляет более 35 см при длине клинка более 25 см» (с. 103), но и они, судя по изношенности, были предметами повседневного костюма (с. 109) – то есть бытовыми; правда, Каиновым отмечена характерная встречаемость этих ножей в комплексе с мечами (с. 111). Замечу, что особую проблему представляют функции ножей с валутообразным навершием, изученные Т.А. Пушкиной (Ножи редкой формы из Гнёздова // Нескончаемое лето. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной. М; Великий Новгород, 2018. С. 189-192), и ножей, входивших в комплекс с ритуальными котлами.

Редким для Гнёздова и для раннесредневековой Руси в целом оружием были сабли: в Гнёздове известны фрагменты наверший не всегда определенно атрибутируемые саблям; безусловно давнее заключение, разделяемое диссертантом, о принадлежности сабель степным традициям (с. 118).

Древковое оружие, характеризующееся в особом разделе диссертации, включает, по систематизации С.Ю. Каинова, копья и сулицы, а также снабженные древками-рукоятями топоры и кистени. Автор подчеркивает сложность функционального различения морфологически близких копий и сулиц, как колющего и метательного оружия (копье могли метать в ходе ближнего боя). К метательным автор относит копье, наконечник которого (тип IV, происходящий с Готланда) был обнаружен при раскопках Гнёздовского городища (с. 131). Типология копий, которая проводится Каиновым – традиционная схема Я. Петерсена и А.Н. Кирпичникова уточняется разработками Б. Солберг. Тип V гнёздовских копий относится к кавалерийским пикам, которые считаются иногда восточноевропейской инновацией (А.Н. Кирпичников).

Диссертант разработал собственную терминологию для обозначения частей такого важного предмета вооружения как *топор* (с. 138). Он в целом следует типологии Кирпичникова, но учитывает специфику переходных «универсальных» форм топора, которые могли использовать как орудие и как оружие. К специфическим формам топоров относятся чеканы, происхождение которых связывают со степным миром (Хазарией - салтово-маяцкой культурой), Каинов отмечает местную специфику трех гнёздовских чеканов (тип IA) и обнаруживает не менее значимые для Гнёздова связи - контакты с Моравией (с. 141-143). Существенно, что С.Ю. Каинов предполагает и «обратное» воздействие древнерусских традиций на степные регионы – топоры типа II могли производиться на Руси, схожие формы известны в Башкирии и на Кавказе (с. 145), за пределы Руси попадают и поздние топоры типа IV, синтезирующего русские и скандинавские традиции (с. 148-149).

В диссертации разбирается полемика по поводу использования (пехотинцами или конниками) и происхождения *кистней*. Автор присоединяется к мнению о хазарском происхождении этого оружия (с. 158). Не меньше споров вызывает и проблема атрибуции сложносоставных луков, фрагменты которых трижды обнаружены в Гнёздове: автор осторожно соотносит их со степными традициями (с. 164).

При характеристике самых многочисленных находок предметов вооружения – наконечников стрел, С.Ю. Каинов следует классической типологии А.Ф. Медведева с корректировкой по Э. Вегре; специально характеризуются ареалы, где встречены определенные типы вне Гнёздова (и Руси), в том числе разнообразные ланцетовидные наконечники, происходящие из Скандинавии и ромбовидные наконечники, широко распространенные в Восточной Европе. Учитываются Каиновым и редкие находки поздних арбалетных «болтов» и сохранившиеся в трупоположениях остатки древков, детали налучий и колчанов.

Тщательному анализу в диссертации подвергнуты сравнительно редкие находки защитного доспеха – шлемы, фрагменты кольчуг и пластинчатого доспеха, уникальных остатков щитов. Особого внимания заслуживает интерпретация Каиновым отдельных кольчужных колец в погребальных комплексах как амулетов (с. 230).

Глава III посвящена «археологическому контексту находок предметов вооружения в Гнёздове», в первую очередь – самой дискутируемой ныне проблеме: хронологии Гнёздова. С.Ю. Каинов аргументированно отвергает «романтические» взгляды о раннем формировании Гнёздова – связи его отдельных комплексов с первыми событиями в истории Руси (посольством, описанном Бертинскими анналами под 839 г., у С.С. Ширинского и др.). В Гнёздове по-прежнему не обнаруживаются погребальных

комплексов, определенно датируемых IX в. (на этом в свое время категорически настаивал Д.А. Авдусин). Это обстоятельство осложняет и попытки выделения ранних участков Гнёздовского поселения, предпринятые диссертантом (с. 271-272): получается, что оставившие следы жизнедеятельности (но не оружие) на поселении персонажи не умирали в Гнёздове. Важным выводом диссертации представляется подтверждение предложенной Е.В. Каменецкой датировки появления в Гнёздове круговой керамики концом 20-х – началом 30-х годов X века (с. 219). Глава завершается скрупулезным контекстным анализом содержания предметов вооружения в конкретных погребальных и поселенческих комплексах.

Содержание главы IV «Вооружение Гнёздова как отражение процесса сложения комплекса боевых средств Древней Руси X – начала XI века» превышает собственно оружиеведческие задачи и связано со сложившимися в историографии традициями. Восприятие этих традиций осложнено изменяющимися позициями самих авторов историографических установок. Оппонент уже замечал (в связи с Бертинскими анналами), что стремление увязать данные археологии с конкретными историческими событиями методически рискованно. В 1970-е гг. на начальном этапе исследования Гнёздовского поселения оппонент (в соавторстве с Т.А. Пушкиной) предположил, что укрепление городища и выпадение кладов в Гнёздове связано с летописными событиями середины X в. – установлением даней и погостов княгиней Ольгой, что появление в Гнёздове камерных гробниц (открытых в 1970-е гг.) связано с укреплением там власти киевских князей и т.д. Сейчас мне представляется, что вычленять подобное события из контекста развития поселений на пути «из варяг у греки» затруднительно: камерные гробницы можно интерпретировать и как свидетельство власти скандинавов из Бирки в Гнёздове и Киеве и т.п. В целом, опираясь на анализ своего материала, С.Ю. Каинов убедительно продемонстрировал, что комплекс вооружения Гнёздова обнаруживает синтез североευропейских и степных («хазарских») традиций вооружения, с сильным центрально европейским (моравско-венгерским) импульсом в X в. Эта тенденция соответствует установке раннего летописания на варяжскую и хазарскую составляющие предыстории Руси (в «оружиеведческом» аспекте – летописной легенде о полянской дани мечами). Нельзя не заметить, впрочем, что тот же синтез характеризует и развитие Бирки. Т.н. большие курганы Гнёздова и Чернигова, трактуемые оппонентом как принадлежавшие представителям русского княжеского рода, – *terminus technicus*, заимствованный из североευропейской археологической литературы: их выделение не связано с морфологической спецификой, а чисто ситуативно – в контексте локального памятника. Отнесение раннего большого гнёздовского кургана к некоему «архонту Милински» (с.

273), неизвестному никаким источникам, представляется мне уступкой романтическому жанру. Рискну заметить, в заключение, что «неизвестные события», из-за которых Гнёздово было сожжено и пришло в упадок уже в первой четверти XI в. (с. 279), могут быть увязаны с конфликтом внутри русского княжеского рода, разразившемся после смерти кн. Владимира в 1015 г. и ознаменованном, в частности, убийством кн. Глеба на Смядыни – уже в пределах древнего Смоленска.

Заключение диссертации содержит четкое и емкое изложение текста.

К мелким замечаниям можно отнести преимущественную ориентацию автора на характеристику воинской элиты: рядовые воины (ополченцы/ «вои»), привлекавшие особый интерес советской историографии (Д.А. Авдусин, В.Т. Пашуто и др., в том числе мельком в цитированной работе Е.А. Шмидта, 2012. С. 78), автором не выделяются (при различении им «профессиональных» и «универсальных» боевых средств). Литература по проблеме необъятна и широко использована С.Ю. Каиновым, может быть, стоило специально учесть недавний реферат – Владимиров С.И. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтовомаяцкая культура). Воронеж 2017. Замечу также, что скандинавские фамилии с компонентом *Stjerna* читаются как Шерна.

К несомненным достижениям диссертанта следует, на взгляд оппонента, отнести составление «критического» (со специальной характеристикой каждой находки) каталога предметов вооружения, происходящих из диагностического для эпохи становления Руси памятника. Каталог, учитывая качественный альбом с иллюстрациями, практически готов к публикации. Работа С.Ю. Каинова безусловно соответствует (и, по мнению оппонента, даже значительно превышает) требованиям, установленным Московским Государственным университетом им. М.В. Ломоносова к кандидатским диссертациям, содержание диссертации соответствует паспорту специальности 07.00.06 – «Археология» (по историческим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском Государственном университете им. М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно приложениям 5,6 Положения о Диссертационном совете Московского Государственного университета им. М.В. Ломоносова. Опубликованные работы отражают тему диссертации. Автореферат соответствует тексту диссертации.

Таким образом, Каинов Сергей Юрьевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 – «Археология».

Официальный оппонент, д.и.н.,
главный н.с. Института славяноведения РАН,
профессор НИУ Высшая школа экономики
Петрухин Владимир Яковлевич

17. 11. 2019

8-916 5971813 e-mail: vladimir.petrukhin@gmail.com

Докторская диссертация защищена по специальности 07. 00. 03 – Всеобщая история

Институт славяноведения РАН, отдел средних веков

e-mail: sredveka@mail.ru

119991 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Телефон: +7 (495) 938-17-80 (секретариат)

